

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.4.14>

UDC 811.161.1'373
LBC 81.053

Submitted: 03.05.2017
Accepted: 03.07.2017

CROSS-LANGUAGE CODE CONVERSION: FUNCTIONALLY SEMANTIC AND STYLISTIC ASPECTS

Ekaterina A. Protsenko

Voronezh Institute of the Russian Ministry of the Interior, Voronezh, Russia

Abstract. The article is devoted to the problem of cross-language interaction in mass media; in particular, the author chooses lexical items that have been linguistically converted from Russian into French forms as a specific object of research. In the focus of attention is the process of foreign word penetration into another language and stating peculiarities in the usage of code converted Russian words in modern French press. The cross-language code converted word items are grouped in accordance with a semantic criterion that is based on V.S. Vinogradov's classification, their contextual environment analysis points to specificity of their functions in media texts. The semantic classification of the cross-language code converted lexical items is viewed as correlating with the variety of semantic functions, including nominative, informative, terminological as well as the functions of text exotization or national culture specification. The author concludes that social and political items are majoring and perform the widest range of the functions, the least numerous is a groups of items that nominate natural world phenomena. It is stated that cross-language item code conversion serves for presenting substantive or specifically cultural content of the message, it is used as an expressive language means with a shade of stylistic potential, which is supported with a set of examples and their stylistic interpretations.

Key words: cross-language code conversion, Russism, French newspapers, semantic classification, functional aspect, stylistic device.

Citation. Protsenko E.A. Cross-Language Code Conversion: Functionally Semantic and Stylistic Aspects. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2017, vol. 16, no. 4, pp. 158-166. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.4.14>

УДК 811.161.1'373
ББК 81.053

Дата поступления статьи: 03.05.2017
Дата принятия статьи: 03.07.2017

МЕЖЪЯЗЫКОВОЕ ПЕРЕКОДИРОВАНИЕ: ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Екатерина Александровна Проценко

Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Воронеж, Россия

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме межъязыковых взаимодействий в средствах массовой информации. Объектом исследования избраны лексические единицы, образованные в результате межъязыкового перекодирования с русского на французский язык и еще не вошедшие в систему принимающего языка. Цель исследования – проследить процесс проникновения иноязычного слова в другой язык, выявить особенности использования перекодированной с русского языка лексики в современной французской прессе. Все перекодированные лексические единицы группируются по семантическому принципу, контексты их употребления подвергаются стилистическому анализу с целью определения наиболее типичных функций в тексте. С опорой на классификацию тематических групп В.С. Виноградова автор соотносит семантические признаки рассматриваемых лексических единиц с их функциями: номинативной, информативной, терминологической, символической, функцией экзотизации и национально-культурной детерминации. Установлено, что наибольшим разнообразием лексем и реализуемых ими функций

характеризуется группа наименований реалий общественной жизни, наименьшим – группа наименований реалий природного мира. Межъязыковое перекодирование используется в современной французской прессе не только для передачи предметно-логического или национально-специфичного содержания сообщения, но и в качестве более выразительного языкового средства, обладающего дополнительным стилистическим потенциалом. Выявлены некоторые стилистические приемы использования анализируемой лексики в качестве экспрессивного средства и средства усиления эмоционального воздействия на читателя.

Ключевые слова: межъязыковое перекодирование, русизм, французская пресса, семантическая классификация, функциональный аспект, стилистический прием.

Цитирование. Проценко Е. А. Межъязыковое перекодирование: функционально-семантический и стилистический аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2017. – Т. 16, № 4. – С. 158–166. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.4.14>

1

Актуальность выбранной темы определяется тем, что в условиях глобализации мирового сообщества, экономического, политического и информационного пространства неуклонно возрастает роль межкультурного взаимодействия. В условиях создания международных информационно-коммуникационных сетей все большее значение приобретают межъязыковые контакты, опосредованные СМИ. На сегодняшний день эта сфера изучена явно недостаточно, хотя исследователи и подчеркивают значимость данного канала межкультурной коммуникации (см. например: [Исаева, 2013; Камалетдинова, 2002]).

На современном этапе наиболее очевидным, приводящим к масштабным заимствованиям практически во все языки мира является доминирующее влияние английского языка, однако в сферу внимания современных исследователей попадают и другие языки – источники заимствований (см., например: [Воронкова, 2011; Маркелова, 2014; Podhajecka, 2006]). В российской лингвистике традиционно изучается лексика иноязычного происхождения в составе русского языка [Китанина, 2005; Крысин, 2007; Манина, 2010; Маринова, 2008 и др.]. Между тем существует и обратный вектор межъязыковых взаимодействий, который до сих пор не получил должного внимания.

Новизна исследования, результаты которого обобщены в статье, определяется выбором объекта исследования, в качестве которого выступают лексические единицы, образованные в результате межъязыкового перекодирования с русского на французский язык.

Под «межъязыковым перекодированием» мы понимаем «процесс кодирования единиц одной языковой системы в соответствии с правилами другой языковой системы» [Проценко, 2015, с. 179]. В качестве примера перекодированной лексики можно привести довольно часто встречающиеся сегодня англицизмы: *геймер* (англ. *gamer*), *венчурный* (англ. *venture*), *клининг* (англ. *cleaning*) и т. п. Однако существуют и обратные примеры межъязыкового перекодирования, такие как *sarafane* (рус. *сарафан*), *provodnitsa* (рус. *проводница*), *tvorog* (рус. *творог*) и др., на которых мы и сосредоточим свое внимание в дальнейшем.

Межъязыковое перекодирование приводит к заимствованию в широком смысле, то есть к проникновению из других лингвокультур таких элементов, как культуремы, концепты или языковые единицы. Однако в отличие от языковых заимствований, которые вошли в лексический состав принимающего языка, перекодированная лексика представляет собой переходную стадию заимствования. Цель нашего исследования – представить проникновение иноязычного слова в другой язык как процесс, выявив условия использования перекодированной с русского языка лексики в современной французской прессе.

В ходе исследования применялись описательный и сопоставительный методы, а также методики компонентного, дистрибутивного и контекстуального анализа. Материалом исследования послужили контексты употребления 230 лексических единиц, перекодированных с русского языка, во французских национальных периодических изданиях за период с 1995 г. по 2015 г.

Далее рассмотрим особенности употребления перекодированных лексем в соответствии с их принадлежностью к тематическим группам, согласно общепринятой классификации В.С. Виноградова [Виноградов, 2001], совмещив семантическую классификацию лексики иноязычного происхождения с описанием ее функциональной нагрузки и стилистических характеристик. Группы представлены по степени увеличения разнообразия реализации функций перекодированных лексем.

Лексика для наименования реалий природного мира

Данная группа перекодированных лексических единиц наименее частотна в современной французской прессе (5 % от общего количества отобранных для анализа лексем) и представлена наименованиями:

– *животных* (*la saïga, le béluga, un Borzoi, laïkas de Sibérie*), например:

C'est une nouvelle race de chien de traîneau, issue de croisements entre différentes familles : huskies alaskans, malamutes, **samoyèdes**, **laïkas** de Sibérie, groenlandais, et même de lévriers pour ajouter la vélocité à la robustesse (Monde, 22.09.2006)

Это новая порода ездовых собак, полученная путем скрещивания представителей разных семейств: хаски, самоедской и гренландской собак, сибирской лайки и даже борзой, чтобы добавить скорости к солидности (Здесь и далее перевод наш. – Е. А.);

– *пейзажа и ландшафта* (*la toundra, la taïga, la steppe*), например:

Passé Oulan-Oude, la **taïga** cède enfin le pas aux **steppes** d'Asie centrale. C'est à l'est de la ville, au Km. 5 655, que la ligne transmongolienne qui mène vers Pékin via Oulan-Bator pique au sud (Le Monde, 20.04.2010)

После Улан-Уде тайга уступает место степям Центральной Азии. Это на востоке от города, а именно на 5655 километре, когда железная дорога, которая ведет в Пекин через Улан-Батор, уходит на юг.

Как видно из приведенных примеров, лексические единицы данной группы используются в своем предметном значении, то есть в *номинативной функции*.

Лексика для наименования ономастических реалий

Значительную долю (около 25 %) перекодированных единиц представляют имена собственные, которые используются в *номинативной функции*. *Антропонимы* представлены во французской прессе достаточно широко именами как исторических лиц (*Piotr Veliki, tsar Nicolas II, le tsar Alexandre III, Potemkine, Iossif Vissarionovitch Djougachvili, Khrouchtchev*), так и современных политиков и общественных деятелей (*V. Poutine, D. Medvedev, M. Gorbatchev, G. Ziouganov, S. Mironov, M. Prokhorov, A. Navalny* и др.). Встречаются и имена обычных людей (*Slava, Grisha, Leonid, Viktor, Nadejda, Tania*), например:

Tania et Ania habitent Krasnyi Tkatch, un bourg de 3000 habitants situé à 60 kilomètres au sud-est de Moscou (Le Monde, 3.08.2001)

Таня и Аня живут в городе с 3000 жителей в 60 километрах на северо-востоке от Москвы – Красный Ткач.

Среди *топонимов* наиболее распространены названия крупных городов (*Omsk, Vladivostok, Ekaterinburg, Nijni Novgorod, Krasnodar, Sotchi* и др.), хотя встречаются названия и небольших населенных пунктов (*Egorevsk, Semiluki, Listvyanka*):

ville de pêcheurs paisible à 70 km au sud d'**Irkutsk** (Libération, 7.01.2016)

тихий рыбацкий городок в 70 км от Иркутска.

С помощью перекодированных единиц передаются на французский язык названия регионов (*la Kolyma, la Tchoukotka, Tverskaya oblast* и др.), улиц (*la Tversskaïa*), площадей (*la place Smolenskaya, la place Pouchkine*) и т. п.

Особо следует отметить частотность наименований *русских газет и журналов* (*le journal russe Komsomolskaïa Pravda, le quotidien populaire Moskovski Komsomolets* (МК), *Vedomosti* и др.), *телевизионных каналов или передач* (*la chaine TRT, l'émission Glas Naroda*), а также *других средств массовой информации* (l'agence Tass, RIA Novosti, la chaine Dojd, reseau social VK, Golos и т. п.).

С одной стороны, лексические единицы данной группы номинируют соответствующие денотаты, с другой стороны, будучи

носителями исторически и культурно значимой информации, транслируют определенную национально-культурную специфику в инокультурной среде. Причем если в случае с большими и потому известными городами номинативная функция явно превалирует, то при описании во французской прессе таких городов, как *Орел (Orel)*, *Киров (Kirov)*, *Вологда (Vologda)*, *Железнодорожск (Jeleznogorsk)*, *Тверь (Tver)* или *Семилуки (Semiluki)*, на первый план выходит функция создания национального колорита, или *функция «экзотизации»*:

Les enfants font du ski sur la rivière **Vologda**; de solides vieillards traquent à travers 60 centimètres de glace d'hypothétiques poissons, les plus endurcis s'y baignent. **Vologda** n'est pas endormie, elle est agréablement provincial (Le Figaro, 26.02.2010)

Дети катаются на лыжах по реке; солидные старики вытаскивают из-под 60 сантиметрового льда гипотетических рыб, самые закаленные купаются. Вологда не навеивает сон, она очень мила своей провинциальностью.

Таким образом, значительная доля словоупотреблений перекодированных единиц, выявленных на страницах современной французской прессы, представляет собой репутацию. В данной функции используются, главным образом, топонимы и антропонимы, а также названия организаций.

Лексика для наименования бытовых реалий

Бытовые реалии представлены в современной французской прессе достаточно широким спектром лексических единиц (около 33 %), из которых наиболее частотными являются следующие:

– **виды жилища** (*l'izba, une khata, une yourte*);

– **предметы одежды** (*la chapka, la chouba, valenki, un sarafane*);

– **продукты питания, напитки** (*la kacha, la koulebiaka, le tvorog, le kefir, le kvass, le koumis, le bortch, varenikis* и др.);

– **денежные единицы** (*roubles, kopecks, y.e.*);

– **термины родства, формы обращения** (*la babouchka, tovaritch, tsar batiouchka*).

Так, в одной из статей газеты «Libération» обсуждается необходимость оплаты товаров в рублях или условных единицах (у.е.), причем значение последнего понятия объясняется в контексте:

Ye ou roubles. Comptez 150 à 200 dollars par repas assorti d'un petit vin. Les prix sont affichés en «**ye**», une monnaie fictive correspondant au cours du dollar du jour, un bureau de change est à la disposition des clients près du vestiaire, car on ne paie qu'en roubles comme le veut la loi russe (Libération, 26.04.2001)

У.е. или рубли. Отсчитайте от 150 до 200 долларов за обед с легким вином. Цены указаны в «у.е.» – символическая денежная единица, соответствующая текущему курсу доллара, в распоряжении клиентов есть пункт обмена валюты, возле вестибюля, так как, по российскому закону, платят только в рублях.

Говоря об открытии в Москве ресторана известной марки Мишеля Труагро, журналисты приводят транскрипцию слова *кумир*, используемого в названии ресторана, поясняя при этом его значение в скобках:

Le chef pâtissier est un Anglais. Mais le sommelier, Dimitri Slavitski, est russe. Ouvert le 2 février dernier, «**Koumir** restaurant Michel Troisgros» (**koumir** veut dire idole) sous le signe de l'éventail (leitmotiv du décor et de la vaisselle), le restaurant s'est mis à l'heure russe et pratique un service continu (de midi à minuit) pour ses 50 couverts, les Russes, se restaurant à des heures peu françaises (Libération, 26.08.2001)

Главный кондитер – англичанин. Но виночерпий, Дмитрий Славицкий, русский. Открытый 2 февраля, «ресторан Кумир Мишеля Труагро» (кумир означает идол) с фирменным знаком веера (лейтмотив декора и посуды), ресторан приспособился к русскому времени и практикует непрерывный режим работы (с полудня до полуночи) на 50 мест, так как русские подкрепляются не в то же время, что и французы.

В данном случае очевидно стремление автора достоверно передать специфику русского ресторана.

При употреблении лексических единиц, обозначающих бытовые реалии, номинативная функция часто сочетается с *функцией спецификации* материальной культуры, социальной или общественно-политической жизни русского народа, а перекодированная

лексика выступает в данном случае как *средство национально-культурной детерминации*.

В схожей функции используются перекодированные единицы, образованные для наименования *блюдов русской кухни*. Примечательно, что в подобных случаях значение лексической единицы раскрывается в контексте или поясняется в скобках, например:

Parmi les spécialités de la maison, réalisées par le chef pâtissier Damien Piscioneri, des classiques russes comme le **Medovick** (biscuit au miel de sarrasin, crème **sgouchonka**, crème **smetana**) et de très élégantes pâtisseries, à l'image de la religieuse couleur or (crème au gianduja, compotée de poires à la vanille) ou de l'éclair **Tvorog** nacré (fromage blanc parfumé à la vanille) (Le Figaro, 13.02.2014)

Среди специальных блюд заведения, которые готовит главный кондитер Дамиен Писционери, классические русские блюда, такие как Медовик (бисквит с медом из гречневой муки, крем из сгущенки, крем из сметаны) и очень элегантные булочки цвета церковного золота (крем из джандуйи, грушевое пюре с ванилью) или эклер Творог перламутровый (творог с ароматом ванили);

Au bar, goûter le **sbiten**, une boisson chaude à base de miel, de gingembre et de cannelle (Le Figaro, 13.01.2003)

В баре попробуйте сбитень, горячий напиток на основе меда, имбиря и корицы.

Итак, представляя французским читателям национально-специфические особенности культуры и быта русского народа, журналисты достаточно часто прибегают к межъязыковому перекодированию как способу передачи этнокультурной специфики и средству национально-культурной детерминации. В данном случае перекодированная лексика является средством языковой репрезентации этнокультурной и лингвострановедческой информации, выступая в качестве знака другого языка и другой культуры.

Лексика для наименования этнографических и ассоциативных реалий

В ряде случаев перекодированные единицы называют предметы или явления русской культуры, фольклорные или мифологи-

ческие персонажи, традиционно воспринимаемые в качестве символов русского уклада жизни и, более широко, русской национальной культуры. В частности, на страницах французских газет упоминаются *Дед Мороз* и *Снегурочка*, *Чебурашка*, некоторые народные и религиозные праздники (*Масленица*, *Пасха* и др.):

Ded Moroz et sa petite-fille **Snegourotchka** (Le Figaro, 09.12.2010),

Tchébourachka, le candide héros en peluche d'un dessin animé populaire (Le Figaro, 02.08.2010)

Чебурашка – правдивый плюшевый герой популярного мультфильма.

Среди реалий, символизирующих традиционный уклад, русский народный стиль и национальный характер, неизменно упоминается *matriochka*, которая является для иностранцев «символом, идентифицирующим русских»:

«Pratiquement chaque famille russe possède au moins une **matriochka**», relève la conservatrice du musée, Elena Titova. Dans leur version plus traditionnelle, les **matriochkas**, avec leur charme intemporel, leurs silhouettes solides et leurs visages sereins, sont aujourd'hui un symbole identitaire des Russes parce qu'elles «incarnent le style russe et le caractère national», note Mme Titova (Le Figaro, 03.08.2015).

«Практически в каждой русской семье есть матрешка», – замечает хранительница музея, Елена Титова. В более традиционной версии, с их вечным шармом, крепкими силуэтами и безмятежными лицами, матрешки являются сегодня символом, идентифицирующим русских, потому что они «воплощают русский стиль и национальный характер», – отмечает госпожа Титова.

В приведенных выше контекстах межъязыковое перекодирование позволяет актуализировать символические свойства лексических единиц посредством установления связи с определенными ментальными структурами или традициями и культурным опытом другого народа. В таком случае перекодированное слово воспринимается как «знак-символ» языкового и культурного кода [Маркелова, 2014, с. 78], что позволяет говорить о *символической функции* употребления перекодированной с русского языка лексики.

Лексика для наименования реалий общественной жизни

Данная группа лексических единиц является наиболее обширной и разнообразной по составу (около 40 %), что объясняется, главным образом, интересом периодических изданий к общественной жизни, деятельности социальных и политических институтов в России. Среди общественно-политических реалий во французской прессе встречаются как современные понятия, например наименования единиц административно-территориального деления (*oblast, gorod*), так и исторические явления (*les bolcheviks, les mencheviks, le boyard, le sovkhoze, le vonevode*).

Примерами национально-специфических наименований являются *narod, narodnitchestvo, zemstvo, oprichnik, pereselentsy* и др. По существу, все они представляют собой номинации понятий или явлений, характерных для истории и культуры русского народа, а значит, отсутствующих во французской лингвокультуре. В этой связи показательно, что их значение поясняется в контексте:

Son modèle était le **zemstvo**, les assemblées locales et régionales de la Russie du XIXe siècle, une forme de démocratie directe, proche du peuple, où les décisions étaient prises à main levée par les hommes (Le Monde, 04.08.2008)

Его моделью было земство, местные и региональные собрания в России XIX века, одна из форм прямой демократии, близкой к народу, когда решения принимались посредством поднятия руки.

...des **opritchniki**, une «troupe satanique», dévouée au tsar corps et armes (Libération, 17.03.2010)
опричники, «сатанинская группа», преданная царю и телом, и оружием;

Narodnitchestvo, de **narod** – peuple (Le Monde, 18.05.2002)

Народничество, от слова «народ».

Межъязыковое перекодирование в приведенных примерах может рассматриваться как способ передачи на французский язык национально-специфической лексики, тогда как перекодированные лексические единицы представляют собой слова-реалии (L-реалии, по классификации А.А. Кретова и Н.А. Фененко [Кретов, Фененко, 2013, с. 10]), то есть лексические единицы, используемые для наимено-

вания самих реалий. На первый план, таким образом, выходит *функция национально-культурной детерминации*.

Особо можно выделить наименования *политических партий и движений*, например, *Iabloko, KPRF, SPS, Narod, le Mouvement contre l'immigration illégale (DPNI)* и т. д. Использование перекодированных единиц выполняет в данном случае не только *номинативную*, но и *информативную функцию*. Такие наименования приобретают терминологический оттенок, являясь одновременно средством *национально-культурной спецификации*. Об этом свидетельствует тот факт, что журналисты прибегают именно к межъязыковому перекодированию, несмотря на наличие межъязыковых эквивалентов (Ср. например, *Narod* – фр. *peuple, Yabloko* – фр. *potte* и т. п.).

Таким образом, перекодированные лексические единицы, обозначающие общественно-политические реалии, используются в современной французской прессе не только в номинативной, но и в ряде других функций: *информативной, терминологической* или *национально-культурной детерминации*.

Итак, обобщая особенности употребления перекодированных с русского языка лексических единиц в современной французской прессе, мы можем выделить некоторые их наиболее типичные функции: номинативную, информативную, терминологическую, функцию экзотизации и национально-культурной детерминации.

Тем не менее перечисленные выше функции отнюдь не исчерпывают все многообразие контекстов употребления перекодированной лексики. В ряде случаев использование перекодированных с русского языка лексических единиц может рассматриваться в качестве стилистического приема, который позволяет актуализировать экспрессивно-стилистические свойства иноязычного слова, тем самым усиливая воздействие на читателя.

В случае употребления перекодированной лексической единицы в качестве экспрессивного средства она не только представляет собой более краткую и точную форму выражения (*компрессивная функция*), но и воспроизводит признаки, отсутствующие в принимающем языке. Например, перекоди-

рованное с русского языка слово *gloubinka* обозначает не столько территориальную удаленность: ср. рус. *глубинка* – «глубинный, далекий от центра населенный пункт» (ТСОШ), сколько оторванность от благ цивилизации. На этом основании французские журналисты используют данное слово по отношению к населенным пунктам, различающимся как размером, так и степенью удаленности от центра. Например, в приведенных ниже контекстах описываются Красноярск и Ново-завидово:

Soudeur dans une fonderie de **Krasnoïarsk**, il se définit comme un gars de la **gloubinka**, le nom que les Russes donnent à la ruralité. Moscou, dit-il, l'étouffe vite (Libération, 05.12.2014).

Сварщик на литейном заводе в Красноярске, он называет себя парнем из глубинки, так русские называют сельскую местность. В Москве, по его словам, он задыхается.

Gros bourg de 8 000 habitants dans la province de **Tver**, à deux heures de Moscou, **Novozavidovo** a beau jouxter le territoire d'une des résidences du président russe et être un lieu de villégiature prisé des Moscovites, il connaît tous les maux de la **gloubinka**, la province profonde (Le Monde, 29.04.2011).

Большой городок с 8000 жителей в Тверской области, в двух часах от Москвы, Новозавидово, несмотря на то что находится рядом с одной из резиденций русского президента и является излюбленным дачным поселком москвичей, испытывает все недостатки глубинки, глубокой провинции.

Помимо передачи национально-специфичного понятия, в данном случае очевидно наличие дополнительных компонентов значения, которые делают перекодированную лексическую единицу более экспрессивной по сравнению с исконной.

Ярким примером эмоционально-оценочного употребления перекодированной с русского языка лексики является использование слова *nitchevo* в следующем контексте:

Nitchevo est un mot russe qui signifie littéralement "rien". Ou encore, selon le contexte, toute une variation de "tant pis", "ça m'est égal", etc. Mais, par un de ces tours dont la langue russe a le génie, un léger changement d'intonation peut donner au même terme un sens beaucoup plus positif. A la question "Comment ça va ?", si la réponse est nitchevo, cela veut dire que ça va plutôt bien. Et comme l'euphémisme se pratique volontiers en russe, on entendra même,

devant une oeuvre d'art, un nitchevo nettement appréciateur (Le Monde, 17.12.2003).

«Ничего» – это русское слово, которое буквально означает «ничто». В соответствии с контекстом оно может иметь разные значения, «тем хуже», «мне все равно» и т. п. Но, в духе гения русского языка, небольшое изменение интонации может придать тому же слову положительное значение. Ответ «ничего» на вопрос «Как дела?» означает скорее хорошо. И, так как эвфемизм охотно используется в русском языке, можно даже услышать, перед произведением искусства, явно оценивающее «ничего».

Отсутствие предметного значения русского слова «ничто» (ТСОШ) подчеркивает эмоциональность его употребления, при этом оценка может варьироваться от отрицательной до положительной, а также меняться по степени интенсивности.

По-видимому, употребление перекодированных с русского языка лексических единиц в экспрессивной или эмоционально-оценочной функции может рассматриваться в качестве стилистического приема, используемого журналистами в целях достижения определенного прагматического эффекта и усиления эмоционального воздействия на читателей.

4

Проведенное исследование позволяет заключить, что перекодированные с русского языка лексические единицы разнообразны по своему составу и охватывают практически все тематические группы. Используемые в современной французской прессе перекодированные с русского языка лексемы не только номинируют те или иные инокультурные реалии, но и выполняют целый ряд других функций: информативную, функцию национально-культурной детерминации, символическую, экспрессивную, эмоционально-оценочную, терминологическую и др. Анализ примеров межъязыкового перекодирования показал, что оно используется не только для передачи предметно-логического или национально-специфичного содержания сообщения, но и является эффективным стилистическим приемом, призванным оказать определенное воздействие на читателя.

Несомненно, вопрос классификации и функционирования языковых единиц, образованных в результате межъязыковых взаимодействий, требует дальнейшего изучения и заслуживает пристального внимания лингвистов. Происходящие на современном этапе языковые контакты, опосредованные средствами массовой информации, представляются, на наш взгляд, весьма перспективным объектом исследования как в рамках развития лингвоконтактологии, так и в аспекте лингвокультурологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Виноградов В. С., 2001. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М. : Изд-во института общего среднего образования РАО. 224 с.
- Воронкова И. С., 2011. Лингвистическое освоение чужой действительности (на примере русско-французских языковых процессов рубежа XVIII–XIX веков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж. 24 с.
- Исаева М. Г., 2013. Сопоставительное исследование прагматических функций кодовых переключений в русскоязычных и англоязычных журналах // Современные проблемы науки и образования. № 6. С. 772–780.
- Камалетдинова А. Б., 2002. Иноязычная лексика в современных средствах массовой коммуникации: 1996–2001 гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа. 24 с.
- Китанина Э. В., 2005. Прагматика иноязычного слова в русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар. 40 с.
- Кретов А. А., Фененко Н. А., 2013. Лингвистическая теория реалий // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. С. 7–13.
- Крысин Л. П., 2007. Заимствованные слова как знаки иной культуры // Русский язык в школе. № 4. С. 83–87.
- Манина С. И., 2010. Прагматические функции иноязычных вкраплений // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. № 1. С. 95–98.
- Маринова Е. В., 2008. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI вв. : проблемы освоения и функционирования. М. : Элпис. 496 с.
- Маркелова Т. И., 2014. Символизация иноязычных вкраплений в английском публицистическом тексте : дис. ... канд. филол. наук. М. 268 с.

- Проценко Е. А., 2015. Русский язык как источник межъязыкового перекодирования в современной французской прессе // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. № 4 (28). С. 178–189.
- Podhajecka M., 2006. Russian Borrowings in English: Similarities and Differences in Lexicographic Description // Selected Proceedings of the 2005 Symposium on New Approaches in English Historical Lexis (HEL-LEX). Somerville, MA : Cascadilla Proceedings Project. P. 123–134.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- ТСОШ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. : Оникс, 2009. 944 с.
- Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/> (дата обращения: 01.08.2015).
- Le Monde. URL: <http://www.lemonde.fr/> (дата обращения: 11.03.2015).
- Libération. URL: <http://www.liberation.fr/> (дата обращения: 25.04.2016).

REFERENCES

- Vinogradov V.S., 2001. *Introduction to the theory of translation (general and lexical problems)*. Moscow, Izd-vo instituta obshchego srednego obrazovaniya RAO. 224 p. (in Russian).
- Voronkova I.S., 2011. *Linguistic assimilation of foreign reality (Russian-French linguistic processes of the turn of the 18th-19th centuries)*. Cand. philol. sci. abs. diss. Voronezh. 24 p. (in Russian)
- Isaeva M.G., 2013. Comparative study of code-switching pragmatic functions in Russian and English magazines. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, no. 6, pp. 772-780. (in Russian).
- Kamaletdinova A.B., 2002. *Foreign words in modern mass communication : 1996-2001*. Cand. philol. sci. abs. diss. Ufa, 24 p. (in Russian).
- Kitanina E.V., 2005. *Pragmatics of foreign words in the Russian language: Dr. philol. sci. abs. diss.* Krasnodar. 40 p. (in Russian).
- Kretov A.A., Fenenko N.A., 2013. Linguistic theory of culture-bound terms. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], no. 1, pp. 7-13. (in Russian).

- Kryisin L.P., 2007. Loan words as signs of other culture. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], no. 4, pp. 83-87. (in Russian).
- Manina S.I., 2010. Pragmatic functions of foreign language inclusion. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie* [The Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and Arts], no. 1, pp. 95-98. (in Russian).
- Marinova E.V., 2008. *Foreign-language words in the Russian speech of the end of 20th - early 21st centuries: problems of development and functioning*. Moscow, Elpis Publ. 496 p. (in Russian).
- Markelova T.I., 2014. *Symbolization of foreign words in English nonfiction texts: Cand. philo. sci. diss.* Moscow. 268 p. (in Russian).
- Protsenko E.A., 2015. Russian language as a source of interlanguage recoding in modern French newspapers. *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya* [Scientific Newsletter of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Modern Linguistic and Methodical-and-Didactic Researches], no. 4 (28), pp. 150-158. (in Russian).
- Podhajecka M., 2006. Russian Borrowings in English: Similarities and Differences in Lexicographic Description. *Selected Proceedings of the 2005 Symposium on New Approaches in English Historical Lexis (HEL-LEX)*. Somerville, MA, Cascadilla Proceedings Project, pp. 123-134.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Thesaurus of the Russian language*. Moscow, Oniks Publ., 2009. 944 p. (in Russian).
- Le Figaro*. URL: <http://www.lefigaro.fr/>. (accessed 1 August 2015).
- Le Monde*. URL: <http://www.lemonde.fr/>. (accessed 11 March 2015).
- Libération*. URL: <http://www.liberation.fr/>. (accessed 25 April 2016).

Information about the Author

Ekaterina A. Protsenko, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Voronezh Institute of the Russian Ministry of the Interior, Prosp. Patriotov, 53, 394065 Voronezh, Russia, procatherine@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-6131-5055>

Информация об авторе

Екатерина Александровна Проценко, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, просп. Патриотов, 53, 394065 г. Воронеж, Россия, procatherine@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-6131-5055>